

VI.

Ввиду того, что наше внимание сосредоточено на блистательной народной речи, как благороднейшей из всех прочих, и мы выделили те предметы, какие достойны быть ею воспеваемы (это три благороднейших предмета, как показано выше), и выбрали для них размер канцоны, как высший из всех других размеров, а чтобы иметь возможность ему научить, кое-что уже подготовили, именно слог и стих, – поведем теперь речь о строе. Да будет известно, что строем мы называем правильное сочетание слов, как, например, *Aristotiles phylosophatus est tempore Alexandri*. Ибо здесь правильно сочетаются пять слов, образуя единый строй. Относительно него следует, во-первых, принять во внимание, что один строй бывает сообразным, а другой несообразным. И так как – если хорошенько припомнить начало нашего отступления – мы ищем только высшего, в нашем искании нет места несообразному, как не заслуживающему даже низшей степени доброкачественности. Да постыдятся же, да постыдятся невежды так непрерывно и самонадеянно порываться к канцонам. Они нам не менее смешны, чем слепец, берущийся разбираться в красках. Мы же, как очевидно, добиваемся лишь сообразного. Но предстоит не меньшей трудности выбор, прежде чем мы достигнем того строя, какого мы добиваемся, то есть наиболее изысканно светского. Имеется ведь множество степеней речевого строя, как безыскусственная, свойственная людям необразованным, например: *Petrus amat multum dominam Bertam*. Есть и чисто искусственная, свойственная строгим ученым или наставникам, например: *Piget me, cunctis pietate maiorem, quicunque in exilio tabescentes patriam tantum sompniando revisunt*. Есть и искусственная, и красивая у некоторых поверхностно вкусивших риторики, например: *Laudabilis discretio marchionis Estensis et sua magnificentia preparata cunctis, illum facit esse dilectum*. Есть и искусственная, и красивая также, и возвышенная у славных писателей, например: *Eiecta maxima perte florum de sinu tuo, Florentia, nequicquam Trinacriam Totila secundus adivit*. Эту степень строя мы именуем высочайшей, и это и есть та, какую мы ищем, стремясь к совершенству, как было сказано. Только этим строем оказываются сплетенными блистательные канцоны, например – Герард: «*Si per mon Sobretots non fos...*»; Фолькет Марсельский: «*Tan m'abellis l'amoros pensamen*»; Арнаут Даниель: «*Sols sui che sai lo sobraffan chem sorz*»; Намерик де Бельнуй: «*Nuls hom non pot complir addreciamen*»; Намерик де Пекульян: «*Si com l'arbres che persobre carcar*»; король Наваррский: «*Ire d'amor qui en mon cor repaire*»; судья из Мессины: «*Anchor che l'aigua per lo focho lassi*»; Гвидо Гвиницелли: «*Tegno de folle'impresa a lo ver dire*»; Гвидо Кавальканти: «*Poi che de doglia core conven – ch'io porti*»; Чино да Пистойя: «*Avegna che io aggia piç per tempo*»; друг его: «*Amor che ne la mente mi ragiona*». Не удивляйся, читатель, что мы привели тебе столько сочинителей; ведь тот строй речи, какой мы называем высшим, мы не можем показать иначе как такого рода примерами. И может быть, чтобы приучиться к нему, полезнее всего было бы знакомство с образцовыми поэтами, то есть Вергилием, Овидием («*Метаморфозы*»), Стацием и Луканом, да и с другими, писавшими превосходнейшей прозой, как с Титом Ливием, Плинием, Фронтинном, Павлом Орозием и многими другими, с которыми приглашает нас вести знакомство подруга забота. Пусть же уймутся приспешники невежества, превозносящие Гвиттоне д'Ареццо и некоторых других, никак не отвыкающих в словах и строе речи подражать толпе.

VII.

Теперь же неуклонная последовательность требует, чтобы мы осветили величавые слова, достойные нахождения в возвышенном слоге. Поэтому мы начнем с указания на немалую трудность разумного отбора слов, потому что мы видим множество способов возможного их нахождения. В самом деле, иные слова бывают детскими, иные женственными, иные мужественными; а из них одни дикие, другие светские; из тех же, какие мы называем светскими, одни мы ощущаем как расчесанные и напوماженные, другие как волосатые и взьерошенные. И вот среди расчесанных и волосатых находятся те, которые мы же называем величавыми, а напوماженными и взьерошенными мы называем те, что чересчур звучны; подобно этому, в великих делах одни дела обличают величие души, другие дым; и тогда при видимости подъема, из-за чего искривляется определенная линия добродетели, получается не благоразумный подъем, а, наоборот, снижение и падение. Итак, смотри, читатель, как важно отсеивать отборные слова от мякины; ибо,